

Барковская Нина Владимировна,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации; Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, пр-т Космонавтов, 26, к. 268; e-mail: n_barkovskaya@list.ru.

ПРОБЛЕМА ДИСКУРСИВНОГО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современная детская литература; конфликт поколений; дискурсивная формация; В.И. Тюпа; речевая игра.

АННОТАЦИЯ. Одной из важнейших проблем, рассматриваемых в современной детской литературе, является проблема поколений, их конфликта и коммуникативной неудачи при общении между ними. Рассматриваются три варианта речевой стратегии взрослых по отношению к детям: авторитарный дискурс власти, провокативная стратегия дискурса свободы и наиболее перспективный дискурс ответственности, сотрудничества и любви.

Barkovskaya Nina Vladimirovna,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Modern Russian Literature, Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication; Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

THE PROBLEM OF DISCOURSIIVE CONFLICT IN MODERN CHILDREN'S LITERATURE

KEY WORDS: modern children's literature; generation gap; discursive formation; V. I. Tyupa; speech game.

ABSTRACT. One of the main problems in modern children's literature is the generation gap, conflict and communicative failure arising between generations. Both variants of speech strategy of the adults with the kids are discussed: authoritarian discourse of power, provocative strategy of freedom discourse and the most perspective discourse of responsibility, cooperation and love.

Детская литература сегодня не обочина литературного поля, а самый его центр, где разыгрываются самые острые конфликты и ведутся наиболее интенсивные поиски их разрешения. Существует целый ряд специализированных детских издательств, журналов, сайтов и премий; «толстые» журналы все больше внимания уделяют произведениям для детей (например, журнал «Октябрь», 9-й номер которого за 2013 г. весь посвящен детской литературе; существует рубрика «Детская» в журнале «Урал»). Растет число научных конференций, посвященных проблемам этого сектора литературного поля. Более того, время от времени вспыхивают скандалы, запрещаются те или иные книги, происходит судебное разбирательство с авторами, принят специальный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Возрастающее внимание к литературе для детей спровоцировано рядом факторов: обострением проблем семьи в постсоветском обществе [11], существенным отличием жизненного и культурного опыта «отцов» и «детей» [10], желанием взрослых уберечь в рыночном обществе чистоту нравственных принципов у подрастающего поколения, задачей сохранения культурной памяти, непрерывающейся традиции. Ситуация осложняется падением интереса к чтению у детей-визуалов, хотя психологи уже говорят о серьезных проблемах, связанных с установкой на мгновенное «счи-

тывание» картинки и быстрый поиск готовой информации [14].

Одной из проблем, рассматриваемых в современной детской литературе, является ситуация дисконммуникации старшего и младшего поколений, отсутствие «общего языка», когда слова и поучения родителей воспринимаются детьми как «пустой дискурс», а родители не слышат детей.

Существует процесс естественного перехода целых слоев лексики в разряд устаревшей: например, современные пятиклассники могут и не знать слова «телеграмма», и учитель должен объяснить это слово, приступая к чтению и обсуждению рассказа К. Паустовского. Еще пример: в рассказе А. Жвалевского, Е. Пастернак «От Пушкина не только к Чаадаеву» семиклассница Таня никак не может выучить стихотворение «Любви, надежды, тихой славы / Недолго тешил нас обман...», потому что, как она признается: «...из семи слов знаю только два» [6, с. 109]; непонятными оказались слова «томление», «упование», «призывание» и проч. Линор Горалик, передавая свои впечатления от чтения с детьми 8–11 лет повестей Гоголя, говорит, что предварительно она разослала детям «словарик» Гоголя. Но нас интересует другой аспект проблемы – дискурсивный, если понимать дискурс как конфигурацию коммуникативных инстанций субъекта, объекта и адресата, как реализацию высказывания в процессе общения. Коммуникативные кон-

фликты, представленные в современной литературе для детей, можно рассмотреть сквозь призму концепции дискурсных формаций В. И. Тюпы [13].

Неприятие у детей вызывает «дискурс власти», реализующий авторитет непререкаемого слова. По характеристике В. И. Тюпы, такой дискурс выражает императивную, стабильную картину мира, с однозначной оценкой, формулирует должное, предполагает благоговейное приятие со стороны слушателя. Дискурс власти выражает ролевое сознание [13, с. 106–113]. В рассказе А. Жвалевского, Е. Пастернак «Новый год в 7 “А”» веселившиеся («по приколу», т. е. играя в детство) ученики были остановлены классной руководительницей, потребовавшей прекратить «дикие танцы». Остаток вечера прошел в тоске, особенно семиклассников раздражило обращение к ним – «ребята» – из уст Деда Мороза с фальшивой бородой: «...от этого слова многих передернуло». Зато классная доложила директору, что «все прошло организовано», только «дети теперь пошли циничные, они совсем не верят в Деда Мороза» [6, с. 8–9]. В рассказе «Радость жизни» учительница недовольна тем, что дети не чувствуют трагедии литературного героя, для них «нет ничего святого» (апелляция к сакральному слову высокой литературы). Таня, задумавшись о смерти, решает помириться с подругой, представляет, как они пойдут гулять, там солнце, воздух, счастье – и девочка улыбнулась, заслужив окрик учительницы и запись в дневнике: «Улыбалась на уроке литературы» [Там же, с. 14–15]. Получается, что авторитетное (властное) слово учителя/взрослого стремится парализовать присущую ребенку жажду радости, полноты существования, игры и дурачества; такое слово никак не вступает в диалог с внутренним миром слушающего, попросту игнорируя его, не принимая во внимание. Речевой этикет может играть роль коммуникативного насилия. Так, в рассказе «Типа смотри короче» бабушка-редактор из самых лучших побуждений борется со словами-паразитами в речи внука, пытающегося рассказать ей историю о драке, но от переполняющих его эмоций не могущего начать без «короче» и «ну... типа, смотри». Бабушка пресекает попытки внука: «Так хирург-онколог стремительно вырезает злокачественную опухоль, пока она не дала метастазы» [Там же, с. 133]. Бедный Никита в отчаянии, его буквально распирало от желания поделиться новостью, он схватил зазвонивший телефон, «как умирающий от жажды в пустыне путешественник хватается флягу с водой». Бабушка остается непреклонной. Правда, в конце рассказа она сама упот-

ребляет выражение внука. Уверая в телефонном разговоре свою коллегу в том, что никак не может редактировать ужасную рукопись академика (в частности, говорит, что за модное слово «дискурс» она его распясть готова), бабушка в конце концов успокаивается и говорит «примирительным» тоном: «Короче, смотри!», прибегнув тем самым к терапевтической функции вполне асемантических слов «типа», «смотри», «короче», по функции близких к междометиям, привлекающим внимание слушателя, подчеркивающим важность предстоящего сообщения и т. п.

Особую опасность «дискурс власти» приобретает в случае назиданий, предписаний, поучений. В рассказе Кс. Драгунской «Новости из Лысогорска» «ужасно строгая» мама девочки Наташи даже летом на даче не давала дочери расслабиться. Она поучала: «Посмотри на меня, Наталья. Я всю жизнь, с детства встаю ровно в семь утра и тружусь. Никогда я не тратила время на какие-то там прогулки, разговоры с девочками и другую вредную ерунду. Именно поэтому я окончила школу с золотой медалью, меня приняли в институт без экзаменов, я выучилась на врача, выбилась в люди, работаю в Москве, и мной гордится весь мой родной город Лысогорск» [4, с. 61]. Характерно обращение к дочери – «Наталья». А потом приехал в гости мамин брат дядя Володя и рассказал, какой озорницей и выдумщицей была в детстве эта самая мама. Мама сначала смутилась, но, в конце концов, «вдруг улыбнулась совершенно по-человечески. Как человек, который всегда был просто человеком и не выбивался ни в какие люди» [Там же, с. 64]. Таким образом, дискурс власти довлеет и над самими взрослыми, играющими некую социальную роль и вынужденными подчиняться вышестоящим инстанциям. В повести Елены Соковениной «Волшебная палочка госпожи Тендер, или Приключения дорогой редакции» рассказывается об издании веселого детского журнала «Класс». Редакция старается писать так, как «никто не пишет» (отсюда – непрерывная борьба с редакторами, вычеркивающими все нестандартное), но так, как станут читать дети. Корректор Катя, работающая также в школе учителем русского языка, рассказывает:

«– Прихожу, – рассказывает Катя, – в школу, а там бегают тетя и кричит: “Сдавайте самоанализы!”

– Что-что сдавать? – интересуемся мы.

– Самоанализы. У нас разработали кто-то методику самоанализа педагогической деятельности. Так она бегают и кричит: “Сдавайте самоанализы!”

– А что это?

Катя долго ищет слова. Наконец, находит:

– Такой документ на десять листов.

– А что там написано?

– Написано там, – вздыхает культурная Катя, – “как выполнить деятельность”. Ну, речь идёт о педагогической деятельности. Прямо так и написано: “как выполнить деятельность”.

– И что?

– И всё. “Деятельность должна выполняться”.

Повисает долгая пауза» [12].

Слово предписания формализуется, теряет смысл, будучи рассчитанным на некритичное восприятие, бездумное исполнение. Пустые знаки чиновничьего «жаргона», в отличие от предельно экспрессивного молодежного сленга, теряют связь с живой действительностью, начинают функционировать в замкнутой сфере «бумаготворчества». Без сомнения, учителя подчинятся и сдадут «самоанализы», но слова при этом выхолощаются, утрачивают вес и не внушают доверия. Дети, пока еще не вполне вписанные в социальные роли, могут бунтовать против речевого насилия и двоемыслия взрослых. Об этом рассказ К. Арбенина «Секундант» [1]. Автор говорит, что во многом опирался на рассказы о школьной жизни своей дочери, ученицы седьмого класса. К. Арбенин уверен: «Школа очень выпукло отражает все те процессы, которые происходят в нашем обществе, так что, “Секундант” – это не только о школе, но и о том, что сейчас происходит вокруг нас и какие мысли и чувства возникают у нас внутри, независимо от возраста. Поэтому я адресую рассказ одновременно и школьникам, и родителям, и педагогам» [2]. Рассказ написан от лица мальчика:

«У нас сегодня на занятиях произошел взрыв. Прямо на уроке биологии.

Но это был взрыв не химический, а совсем другой – тихий. Просто произошло событие, которое было равносильно взрыву. Меня самого как будто бы задело взрывной волной, как будто бы контузило. Я теперь хожу как раненый и ни о чем другом думать не могу».

Во время урока биологии в класс пришла молоденькая завуч по воспитательной работе, на каблуках, в короткой юбке, и начала проверять внешний вид учеников – «приступила к досмотру», не извинившись, конечно, за срыв урока биологии. Она придиралась к форме, находила мнимые несоответствия, оскорбительно и надменно обращалась к детям. «А мы стояли перед завучем и ее помощницей, как солдаты на построении. Не знаю, как другим, а мне все это было неприятно. Что-то в таких проверках есть унижительное – как будто мы какие-то злостные нарушители дисциплины или арестанты. В такие моменты, даже если ты ничего не на-

рушал, все равно противно и неудобно. Но Анюта, похоже, считает такое унижение частью воспитательной работы». И при этом она жевала жвачку, потом какое-то время болтала по телефону. Один мальчик не выдержал, собрал портфель и пошел к выходу. Когда завуч его грубо остановила, он сказал, что не будет учиться в такой школе, где такие педагоги. И ушел. Рассказчика больше всего поразило это взрослое слово «педагоги», Ленька словно бы сразу стал старше всех остальных, бросив вызов системе: «...стал совсем взрослым человеком. То есть человеком, способным сказать то, что он думает, без всякой боязни и принять самостоятельное решение».

Мальчик, рассказывающий эту историю, тоже отпросился из класса, почувствовав себя секундантом Леньки. Он нашел Леньку в туалете, тот плакал и рвал дневник, потому что в напечатанных там «Правах и обязанностях учащихся» указано, что учащиеся имеют право на уважение и защиту собственного достоинства, на постановку вопроса об изменении форм и методов обучения и воспитания – и все это лишь пустые слова! Ленька говорит, что педагоги не заинтересованы в самостоятельности мышления детей, потому что так ими легче управлять, так растут дешевле рабочая сила, а не самостоятельные, уважающие себя люди. Печально то, что Ленька был героем в глазах класса только на первой перемене, а уже после следующего урока, когда выяснилось, что нужно оставаться на классный час, ребята стали попрекать Леньку: мог бы и сдержаться, прогнуться, не лезть на рожон, а то теперь лишний урок в школе сидеть. Да и сам рассказчик, секундант, не решил для себя, на чьей он стороне – Леньки или товарищей, привыкших подчиняться системе. Дети не готовы к протесту, к связанным с ним жертвам и осложнениям. Большую роль играет страх, воспитанный дискурсом власти.

В 2013 г. к читателям пришла книга Евг. Ельчина «Сталинский нос» [5]. Трагедия сталинских репрессий объясняется автором не только злой волей власти, но и психологией самих людей – терпеть атмосферу лжи и насилия над личностью заставлял страх, разделить народ на жертв и палачей невозможно: «...мы все были и жертвами, и палачами одновременно. <...> мы убивали себя – нашу индивидуальность, наш голос, наш талант, наше сердце» [5, с. 167]. Сюжет разворачивается вокруг событий из жизни мальчика Саши, которого должны принять в пионеры, но происходит совсем другое: отца Саши, работника НКВД, арестовывают, Саша попадает в категорию детей врагов народа. В книге показана давящая атмосфера, царящая даже в начальных классах, грубое обращение учительницы к тем, чьи родители

арестованы, раскрыта технология запугивания детей. Вот Нина Петровна требует, чтобы дети написали на листке фамилии тех, кого они подозревают в порче бюста вождя (Саша случайно отбил нос). Все сидят, не знают, чьи фамилии писать. Тогда учительница велит написать тех, кто, по мнению пишущего, точно не разбивал бюст. Дети начинают писать, но тут учительница предупреждает: «Пиши, пиши, Зина. Молодец. Только смотри не ошибись. Если хотя бы один ученик в твоём списке попадет под подозрение, знаешь, что будет? <...> Ты сама попадешь под подозрение, Зина. Мы теперь будем знать, что Зина Кривко покрывает врагов народа». Девочка в растерянности перестает писать, она не знает, кого подозревать, а кого нет. Учительница советует: «Те, в ком ты не уверена, всегда под подозрением. Вот их фамилии и пиши» [Там же, с. 95]. Слово доноса становится доказательством лояльности, слово становится основанием для репрессий, слова клятвы юного пионера воспринимаются как сакральный завет. А слово Вождя – непрекаемо и абсолютно.

Многие произведения современной литературы показывают, как этот страх въелся в душу и заставляет если не подличать, то приспособливаться, мимикрировать, говорить не то, что думаешь, а то, чего ждут от тебя в данной ситуации. Тем ценнее изображение попыток сломить давление, преодолеть страх. В рассказе К. Арбенина ребенок еще не сделал свой выбор. А вот в повести А. Жвалевского, Е. Пастернак «Я хочу в школу!» детям удается добиться увольнения учительницы по прозвищу Злыдня – правда, далось это им непросто, да и повесть имеет черты утопии. Гораздо реалистичнее выглядит детская тактика компромисса. В рассказе Кс. Драгунской «Наши корни» дети пришли к директору школы Ярославу Святославовичу и устроили показательное выступление: Яха прочел стихи Пушкина про осень, Серафим прочел три молитвы, Гия декламировал «Витязя в тигровой шкуре» на грузинском языке, Саша Молева рассказала много народных примет и рецептов от простуды, Ильнара долго тянула что-то протяжное, а ее брат Равиль сказал, что это была вторая часть третьей половины начала запева первого куплета, Митя рассказал о традициях резьбы по дереву древних сицкарей. Убедив директора, что они не отрываются от народных корней, дети попросили разрешение праздновать Хеллуин и День Святого Валентина [4, с. 88–90].

Однако чаще всего писатели показывают не открытое противостояние и не игру по правилам взрослых, а тактику игрового острашения, комической абсурдизации дискурса власти, реализуя тем самым дискурс свобо-

ды. Характеризуя эту рекреативную, девинантную дискурсивную практику, В. И. Тюпа отмечает, что дискурс свободы провозглашает окказиональную картину мира, без единой для всех истины, когда значима уникальность мнения и видения, собственного желания [13, с. 113–124]. Игра как территория свободы всегда считалась атрибутом детской литературы. В рассказе Кс. Драгунской «Бабушка» эта самая бабушка – тогда еще МАМА – напутствовала сына перед отправкой в первый класс: уходи с уроков, если станет скучно; не бойся, если будут пугать завучем или директором, потому что мама главнее директора и завуча; помни, что школ много, а ты у меня один. Бабушка считала, что в ребенка нужно вкладывать, но не деньги, а «вкусности, сюрпризы, подарки, поездки к морю <...> побольше чудесного и прекрасного, а не трясти у него перед носом учебниками и нотными тетрадами». Когда бабушке становилось грустно, она дарила всем подарки, и настроение сразу улучшалось. Уезжая на зиму из деревни, бабушка оставляла гостиницы и письмо для воров с призывом вести себя прилично [4, с. 139–150]. Обилие подросткового сленга как раз демонстрирует желание оттолкнуться от занудства взрослых и, как всякий жаргон, создает особую территорию общения, понятную только «своим». В качестве примера можно отметить начало рассказа А. Жвалевского, Е. Пастернак «На войне» [6, с. 11].

Впрочем, гораздо важнее такие ситуации, когда дети испытывают потребность в «дискурсе ответственности». Согласно концепции В. И. Тюпы, это ситуация взаимодополнительности сознаний, когда от адресата ждут понимания, со-мыслия. Этот «дискурс любви» есть «коммуникативное событие совместного с адресатом продвижения по направлению к точке взаимоприемлемого смысла» [12, с. 124–136]. Так, в рассказе А. Жвалевского, Е. Пастернак «Мастер-класс по списыванию» мама, видя мучения дочери, которая никак не запомнит к контрольной работе названия столиц множества каких-то экзотических государств, делится своим школьным опытом по изготовлению шпаргалок разных видов. Дочь в восторге. Мама интересуется, а как же сейчас дети без шпаргалок живут, дочь объясняет, что помогают SMS, телефоны, группа «ВКонтакте»... Мать в восторге: «Это же гениально!» Тут происходит, хоть и в комической ситуации, обмен новыми для каждой из сторон словами: «шпора», «бомбы» (домашняя заготовка контрольной работы) – и «SMS», «рассылка», «ВКонтакте». В рассказе Кс. Драгунской «Время» (полном совершенно неправдоподобных и смешных деталей) девочку выгнали с урока, потому что она принесла с со-

бой маленькую собачку (она боялась оставить ее дома), мальчик пошел девочку провожать, они весело провели время... А погода была такая хорошая, что стало понятно – скоро весна, детям вдруг захотелось сделать людям что-нибудь хорошее, и они начали кричать: «Грибной дождь! Море! Каникулы! “Лексус” джи-эл-икс! Любовь и дружба! Айфон четыре эс!! Вре-мяааааа!..» [4, с. 123]. Как показывает этот пример, для дискурса ответственности или согласия, этоса солидарности, важна именно интенция осуществить коммуникацию, направленность на доброе дело, на помощь и сочувствие, сам же набор слов, во-первых, случаен, во-вторых, бессвязен – каждое слово тут самоценно как знак ассоциаций с чем-то «очень хорошим».

Нередко произведение основывается на речевой игре, игре в слова и со словом, каламбурах, буквализации метафоры, обыгрывании «внутренней формы» слова или даже морфемы. Так происходит овладение языком как особым миром, в котором есть свои оттенки значений, скрытые возможности и тайны. Приведем в качестве примера маленькую сказочку из цикла Лены Климовой «Какой огромный мир».

«Приставка без-

Приставка без- была очень влюбчивой. Оно и понятно: вокруг столько красивых прилагательных!

– Разрешите к вам присоединится, – говорила им порой приставка.

– Еще чего! – в голос возмущались прилагательные.

– Кем я с тобой буду? Бескультурным!

– А я – безнравственным!

– А я – бездеятельным!

– А я – безрадостным!

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбенин К. Секундант // Октябрь. 2013. № 9.
2. Арбенин К. URL: <http://www.arbenin.info/news.php>.
3. «Вся история наполнена детством»: наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. В 2 кн. М. : РГГУ, 2012.
4. Драгунская Кс. Мужское воспитание. М. : Жук, 2012.
5. Ельчин Е. Сталинский нос. М. : Розовый жираф, 2013.
6. Жвалевский А., Пастернак Е. Типа смотри короче. М. : Время, 2013.
7. Климова Л. Какой огромный мир // Урал. 2013. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2013/5/k11.html>.
8. Кукулин И., Майофис М. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. 2010. Т. 14. № 1/2. С. 6–19.
9. Лукьянова И. Данный рассказ заставляет задуматься // Октябрь. 2013. № 9. С. 168.
10. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М. : Новое литературное обозрение, 2005.
11. Семейные узы: модели для сборки : сб. статей. В 2 кн. / сост. и ред. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
12. Соковенина Е. Волшебная палочка госпожи Тендер, или Приключения дорогой редакции. URL: <http://profilib.com/chtenie/149619/elena-sokovenina-volshebnaaya-palochka-gospozhi-tender-ili-priklyucheniya-dorogoy-redaktsii-18.php>.
13. Тюпа В. И. Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике. М. : Языки славянской культуры, 2010.
14. Эко У. Письмо к внуку. URL: <http://inosmi.ru/world/20140124/216819572.html>.

– А я – бесперспективным!

– Иди своей дорогой! Дураков нет. Присоединяйся к кому-нибудь другому!

А к кому? Никто не хотел дружить с влюбчивой приставкой: всех она делала хуже.

Но мимо проходило прилагательное ценный. Узнав, в чем дело, оно призадумалось. Рискованно присоединять к себе такую неблагонадежную приставку... Но ценный было добрым прилагательным и в каждом старалось находить хорошее.

– Ладно, – сказала оно, – присоединяйся ко мне.

Приставка без- была без ума от счастья. А ценный ничуть не проиграло от этого союза: стало бесценным» [7].

Таким образом, если речевое насилие и речевое «гетто» жаргона/сленга обесмысливают слово, то ситуация сотрудничества в овладении искусством общения делает языковое чутье более тонким, а значит, и внутренний мир собеседников – более богатым. Дискурс любви и ответственности отвечает той новой концепции детства [8], согласно которой ребенок – полноценный партнер, а не малозначимый «другой», которым можно пренебречь, и не послушный материал, из которого можно вылепить свое подобие, и не субъект-жертва, которая должна реализовать все нереализованные амбиции родителей. Говорить с ребенком следует на *общем языке*. В статье И. Лукьяновой из «детского» номера журнала «Октябрь» приводятся очень точные слова одной девочки, обращенные к детским писателям: «Не делайте своих героев похожими на подростков, сделайте их похожими на людей» [9].

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.